6. Чесноков И.И. Тактика угрозы как структурная составляющая виндиктивного дискурса (косвенные формы объективации: предупреждения-предсказания-обещания) // У чистого источника родного языка: сб. науч. ст. к 60-летию проф. В.И. Супруна. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. С. 358–363.

7. Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2009.

8. Чесноков И.И. Тактика угрозы как структурная составляющая виндиктивного дискурса (косвенные формы объективации: предупреждения-предсказания) // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире – 4: сб. ст. / отв. ред. Г.Г. Слышкин. Волгоград: ФГОУ ВПО «ВАГС». Волгоград: Информресурс, 2011. С. 218–223.

* * *

1. Apresjan Ju.D. Performativy v grammatike i slovare // Izvestija AN SSSR. Ser. lit. i jaz. T. 45. № 3. S. 208–223.

2. Pravoslavnaja jenciklopedija / pod obshh. red. Patriarha Moskovskogo i vseja Rusi Aleksija II: v 11 t. M., 2000–2006.

3. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: Prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 24 maja 1996 goda. SPb.: Al'fa, 1996.

4. Formanovskaja N.I. O kommunikativno-semanticheskih gruppah i intencional'noj semantike ih edinic // Jazykovoe obshhenie i ego edinicy: sb. nauch. st. Kalinin: Izd-vo Kalin. gos. un-ta, 1986. S. 18–27.

5. Chesnokov I.I. Taktika ugrozy kak strukturnaja sostavljajushhaja vindiktivnogo diskursa (prjamye formy ob#ektivacii) // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Filol. nauki. 2008. № 5 (29). S. 8–13.

6. Chesnokov I.I. Taktika ugrozy kak strukturnaja sostavljajushhaja vindiktivnogo diskursa (kosvennye formy ob#ektivacii: preduprezhdenija-predskazanija-obeshhanija) // U chistogo istochnika rodnogo jazyka: sb. nauch. st. k 60-letiju prof. V.I. Supruna. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2008. S. 358–363.

7. Chesnokov I.I. Mest' kak jemocional'nyj povedencheskij koncept (opyt kognitivno-kommunikativnogo opisanija v kontekste russkoj lingvokul'tury): dis. … d-ra filol. nauk. Volgograd, 2009.

8. Chesnokov I.I. Taktika ugrozy kak strukturnaja sostavljajushhaja vindiktivnogo diskursa (kosvennye formy obektivacii: preduprezhdenija-predskazanija) // Menjajushhajasja kommunikacija v menjajushhemsja mire – 4: sb. st. / otv. red. G.G. Slyshkin. Volgograd: FGOU VPO «VAGS». Volgograd: Informresurs, 2011. S. 218–223.

The discoursive tactic of threat: indirect forms of presentation: warnings

Tactic of threat as a structural component of vindictive discourse is described. Indirect forms of the above mentioned tactic presentation, which make it possible for a speaker to realize an intimidation strategy formally keeping ethical (and in certain cases – legal) norms of communication, get enlightment.

Key words: *vindictive discourse, strategy of intimidation, tactic of threat, indirect form of presentation, warning.*

(Статья поступила в редакцию 28.01.2015)

Н.В. ЕФРЕМОВА
(Волгоград)

ДИАЛОГИЧНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ МЕХАНИЗМОВ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ДИСКУРСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЁНОГО

Диалогичность рассматривается не только как категория текста, стилеобразующий фактор, но и как текстовой механизм, который в направленности на адресата, его пресуппозиции, интуицию, понимание позволяет проследить процесс актуализации замысла и этапов представления нового знания адресантом.

Ключевые слова: *диалогичность научного текста, механизм текстообразования, языковые, речевые, дискурсивные средства выражения диалогичности.*

Научный текст с позиций когнитивно-дискурсивного подхода представляет собой не только источник новой научной информации со стороны адресанта, но и объект осмысления её содержания адресатом. Отсюда центральной текстообразующей категорией научного текста справедливо признаётся диалогичность, рассматривающаяся в современной лингвистике в аспекте речевого общения адресанта и адресата [4; 7; 9; 11; 12], выявления особенностей диалогичности научного текста [1; 8; 16], описания функций диалогичности

© Ефремова Н.В., 2015

[18; 20], её экстралингвистических оснований [10; 13; 17] и др.

Несмотря на длительное и разностороннее изучение диалогичности, недостаточно исследованными остаются вопросы, связанные с рассмотрением её как одного из механизмов текстопорождения в процессе дискурсивной деятельности учёного, механизма развёртывания научной идеи в целый текст. Под механизмами, вслед за С.В. Ракитиной, понимаем взаимосвязанные и взаимообусловленные средства для осуществления определённых процессов [15, с. 185].

Выступая механизмом создания медицинского текста, диалогичность позволяет адресату не только понять представленную в тексте научную идею, но и определить прагматические стратегии автора, представить его рефлексивный мир. Диалогичность наиболее явно эксплицируется в собственно диалоге как форме речи, находящейся в точке пересечения исследовательских интересов представителей многих гуманитарных наук, изучающих различные аспекты человеческой деятельности, так или иначе связанные с коммуникацией. Исследование данной категории восходит к концепции М.М. Бахтина о диалоге как форме глубокого понимания людей.

На основе положения М.М. Бахтина о том, что «событие жизни текста, т.е. его подлинная сущность, всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [6, с. 303], в функциональной стилистике диалогичность стала рассматриваться как принадлежность не только собственно диалога, но и монолога, монологического текста. М.Н. Кожина, в частности, отмечает, что «в научном тексте отражаются все компоненты сознания и мышления и признаки научной творческой деятельности, включающей наряду с познанием, преобразованием, ценностной ориентацией и такой компонент, как общение» [9, с. 66]. Научный текст с этих позиций характеризуется «лишь моментом в коллективном творчестве, представляющем совместную деятельность автора и читателя» [Там же], который необходимо учитывать при его построении. В последующих работах диалогичность письменной научной речи определяется учёным как «выраженное в тексте (его организации) средствами языка взаимодействие общающихся в коммуникативно-познавательном процессе, понимаемое как соотношение двух и более смысловых позиций: это и учет позиции адресата (читателя), и второго “Я”, и возможных оппонентов, – а также отражение в речи признаков собственно диалога» [10, с. 138].

Таким образом, речемыслительный процесс автора, эксплицированный в тексте, обусловлен его когнитивно-коммуникативной деятельностью, направленной на адресата. Установка на адресата, учёт его познавательных особенностей при восприятии научного произведения становятся необходимым условием порождения научного текста.

Важным для нашего исследования является то, что диалогичность, выступая текстовым механизмом, определяется как взаимодействие адресанта и адресата в процессе создания и восприятия научного текста, а не как однонаправленное воздействие автора на читателя. Подобная мысль проводится В.В. Красных, утверждающей, что, создавая текст, автор производит «селекцию знаковых форм, отбирает те из них, которые, с одной стороны, максимально полно и адекватно отражают и выражают замысел, а с другой – максимально соответствуют “типу” реципиента, входят в его знаковую систему и смысловой код, что и позволяет последнему воспринимать и понимать текст» [14, с. 210–211]. Другими словами, адресант сознательно или непроизвольно учитывает пресуппозиции потенциального адресата и в соответствии с ними выстраивает своё произведение.

В зависимости от того, какими знаниями обладает предполагаемый адресат, учёный-медик Н.М. Амосов, излагая свою позицию, например, в отношении торакальной хирургии (хирургии легких, сердца, пищевода, кардии), при построении текста может пропустить те или иные звенья в логической подаче материала и предоставить адресату возможность самостоятельно восстановить их в процессе восприятия (***Объем наших знаний*** *о различных болезнях за 90 лет, прошедших* ***со времени Листера,*** *также чрезвычайно возрос* [3, с. 8]) либо, наоборот, использовать дополнительные средства развертывания высказывания, чтобы восполнить его недостающие знания, осуществив тем самым более плавный переход между базовым и новым знанием, что, несомненно, будет способствовать преодолению возникающего барьера непонимания между отправителем и получателем информации: *Прежде чем приступить к разбору этих средств и их действия,* ***нужно*** *в нескольких словах* ***остановиться*** *на одной из многочисленных теорий возникновения шока, которые выдвигаются теперь иностранными физиологами и фармакологами (по Мошковскому).* ***Мы говорим о теории Селье. Он считает,*** *что действие на ор-*

ганизм чрезмерных раздражителей вызывает… [3, с. 59].

Внешняя диалогичность реализует явную направленность речи адресанта на адресата, т.е. выступает средством выражения адресации. Данный тип диалогичности эксплицируется, например в медицинских текстах, за счет введения в монологический контекст диалогических языковых форм, к которым относятся личные местоимения и формы глаголов 1-го лица мн.ч., вопросительные конструкции, конструкции с побудительной модальностью, вопросно-ответные комплексы и др.

Использование личных местоимений 1-го лица мн.ч., как показывает исследование, позволяет подчеркнуть единение автора с адресатом, а семантика «мы» демонстрирует общность их позиций в научном тексте, например: *Здесь* ***мы*** *рассмотрим только важнейшие действия с моделями* [2, с. 56]; ***Мы*** *уже рассматривали общий принцип отношений между интеллектом и средой* [Там же, с. 178].

Большое количество употреблений данного типа местоимений характеризует и совместность действий учёного со своими коллегами, аналогичность их смысловых позиций, сложившихся в процессе экспериментальных и теоретических исследований, к примеру, проблем торакальной хирургии: ***Мы*** *являемся сторонниками применения комбинированных вмешательств при раке желудка вообще, и при кардиальных в частности* [Там же, с. 675]; ***Мы*** *полагаем, что при раке кардии нельзя отказываться от операции* [Там же, с. 679]; *При гладко протекающих сердечных операциях* ***мы переливаем*** *лишь незначительное количество глюкозы или не вливаем ничего* [Там же, с. 22]; *Среди всех перечисленных факторов* ***мы*** *не назвали самого главного − влияния обезболивания* [Там же, с. 21].

Местоимение *мы* является и средством выражения авторского *я,* используемого ученым для осознания причастности предшественников к высказываемому им мнению: ***У нас*** *осталось отрицательное впечатление от гипотермии* [3, с. 67]; ***Мы*** *считаем необходимым разделить показания к операции на три группы: жизненные, абсолютные и относительные* [Там же, с. 94]; ***Мы*** *полагаем, что при большинстве операций на легких основным операционным доступом должен быть заднебоковой, через который удобно производить пневмоэктомии и нижние лобэктомии* [Там же, с. 108]; ***Мы*** *рассмотрели все основные методы обезболивания, применяемые в грудной хирургии* [2, с. 70]; ***Мы*** *убеждены, что гипотермия для операций на легких не нужна* [Там же, с. 72]; ***Мы*** *сомневаемся в том, что применение ее имеет смысл* [Там же, с. 73].

На обращённость автора к адресату указывают конструкции с глаголами 1-го лица ед. ч., актуализирующие *я* самого автора, подчёркивающие тем самым максимальную долю его ответственности за сказанное, а также употребление *специальных предикатов*, содержащих категорические суждения: ***Предупреждаю,*** *что предмет исключительно сложен для понимания, поскольку лежит на стыке физиологии, психологии, техники и даже философии. Для упрощения* ***я буду*** *широко* ***пользоваться*** *схемами* [Там же, с. 10]; ***Не буду*** *даже* ***пытаться охватить*** *всю проблему искусственного интеллекта* [Там же, с. 14]; *Разумеется,* ***никто не будет отрицать****, что именно нейрофизиологам принадлежат основополагающие открытия* [Там же, с. 17].

Наряду с местоименными формами 1-го лица мн.ч. указание на предполагаемого адресата достигается за счёт использования глагольных форм 1-го лица мн.ч., служащих для реализации следующих задач адресанта:

– вовлечь адресата в восприятие научного текста: ***Зададим*** *сначала вопрос: в чем будет «смысл жизни» искусственных интеллектов?* [Там же, с. 188]; ***Попытаемся представить себе*** *необходимый набор потребностей-чувств, который будет достаточен, чтобы обеспечить прогресс, высокий УДК членов колонии и устойчивость системы* [Там же, с. 191]; ***Попытаемся подытожить*** *основные идеи гипотезы об алгоритме разума* [Там же, с. 218];

– акцентировать его внимание на последовательности рассматриваемых проблем: ***Разберем значение каждого из этих факторов*** *подробнее* [3, с. 214]; ***Разберем*** по этапам *особенности этих операций у туберкулезных больных* [Там же, с. 298];

– активизировать мыслительную деятельность адресата, включить его в обсуждение актуальных научных вопросов: ***Подробнее остановимся*** *на отечественных ганглиоблокаторах, выпускаемых пока в небольших количествах фармако-химическими институтами (С.В. Аничков, М.Н. Щукина, Н.В. Савицкий и др.)* [Там же, с. 60]; ***Разберем*** *подробно различные случаи кровотечений* [Там же, с. 155]; ***Разберем*** *более подробно по крайней мере то, что известно по этому вопросу* [Там же, с. 160];

– сделать своим сторонником, приблизить к своим его оценки и позиции: *Мы со своей стороны* ***оцениваем*** *эту операцию как самостоятельное вмешательство не высоко и допускаем ее как вынужденную меру в тех случаях, когда нельзя произвести резекции легкого* [3, с. 109].

Явная проекция на адресата как потенциального исполнителя действий реализуется в *конструкциях с побудительной модальностью*, соответствующей, с точки зрения прагматики, директивным речевым актам, выраженным синтаксемой «слово категории состояния + инфинитивная форма глагола»: такая модальность текста снимает интерес к конкретному авторству, актуализируя инструкции, требующие выполнения: ***Необходимо иметь*** *четкое* ***представление*** *о минимальном объеме обследований, без которых, при современном состоянии медицинской науки, врач не имеет права производить оперативное вмешательство* [Там же, с. 77]; *Прежде всего* ***необходимо завести*** *такой* ***порядок,*** *чтобы у всех легочных больных производилось ежесуточное измерение количества мокроты с регистрацией этих цифр на температурном листке* [Там же, с. 91]; *Для правильного выбора лечебных мероприятий* ***нужно иметь*** *не только ясное* ***представление*** *о локализации и протяженности патологического процесса, но также* ***знать*** *причины, механизм развития и сущность морфологических изменений* [Там же, с. 379]; *Однако* ***не нужно думать,*** *что у всех больных с гнойными процессами бывает типичная рентгенологическая картина округлой полости с уровнем жидкости* [Там же, с. 382]; *При возникновении кровотечения* ***надо прижать*** *кровоточащее место пальцем, затем* ***выключить*** *кровоточащий сосуд, наложив зажимы выше или ниже протока, если они еще не разъединены, и после этого* ***попытаться наложить*** *сосудистые швы на дефект стенки сосуда.* ***Нужно помнить,*** *что пережимать аорту безопасно можно не более чем на 10—15 мин* [Там же, с. 596]; *Уже при амбулаторном осмотре* ***надо выяснить*** *у больных сопутствующие заболевания...* [Там же, с. 78]; ***Особое внимание надо обратить*** *на дыхание больных, не останавливаясь при наличии одышки перед производством в амбулаторных условиях простой функциональной пробы в виде 15 приседаний или подъема на второй-третий этаж* [Там же, с. 79].

Как видим, слова категории состояния *нужно, надо, необходимо* организуют предикативно-инфинитивную модель выражения побуждения и организуют её семантику и прагматику.

Вместе с тем в проанализированных нами текстах можно наблюдать выполнение подобными конструкциями функции сигналов делимитации, выделения смысловых опор, позволяющих членить текст на компоненты с разной степенью важности, акцентировать наиболее значимые положения: ***Необходимо отметить,*** *что, несмотря на отсутствие контрастирования, мы считаем, что «артрезия» легочной артерии при тетраде Фалло только функциональная, а не анатомическая* [19, с. 267]; ***Следует остановиться*** *еще на одном дополнительном методе — оксиметрии…* [3, с. 90].

Формы повелительного наклонения глаголов в проанализированных научных медицинских текстах встречаются редко. Однако на основе выделенного нами незначительного количества употреблений императивных конструкций можно констатировать, что они способствуют выражению побуждения адресанта к совершению действия, направленного на адресата, привлечению его к сомышлению, придают изложению экспрессивный характер. Наиболее активно с этой целью используется форма глагола 2-го лица мн.ч., которая имеет оттенки:

– побуждения к совместности действия: ***Давайте предположим,*** *что субстратом, на который оказывают первоначальное воздействие электрические удары, является глия...* [19, с. 47];

– собственно побуждения: *Речь привела к счету, который сильно изменил восприятие мира.* (***Попытайтесь сосчитать*** *предметы, не пользуясь словами-цифрами!*) [Там же, с. 152];

– активизации воображения: ***Представьте себе*** *общество бесполых людей — это совсем не так трудно вообразить* [Там же, с. 190];

Формой внешней диалогичности выступают также вопросительные и вопросно-ответные конструкции. Их в проанализированных нами научных текстах можно разделить на два типа:

– конструкции, активизирующие собственный мыслительный процесс автора, стимулирующие получение ответной информации от себя, исключающие при этом категорические утверждения и отрицания;

– конструкции, содержащие констатацию важной для адресата, по мнению автора, информации.

В вопросно-ответных конструкциях первого типа находят отражение та или иная ситуация, переплетение чувств учёного, последовательность возникающих в процессе его мыслительной деятельности предположений, сомнений, возможных ошибок в оценках, заключениях: *На что расходуется энергия чувств в интеллекте?* ***Можно предположить,*** *что на возбуждение по связям других моделей, например, для вызова их из длительной памяти в АИ* [2, с. 73]; *Наилучшим ли образом выполняет речь функции моделирования образов?* ***Думаю, что нет*** [Там же, с. 129]; *Нужно ли лидерство искусственному интеллекту в тех сферах деятельности среди людей, которые были перечислены выше?* ***Мне кажется,*** *что да, хотя бы потому, что оно есть у людей* [Там же, с. 176]; *Где же критерий ценности моделей, создаваемых в результате творчества? Этот критерий – в практике, в применении модели для удовлетворения определенных потребностей* [Там же, с. 158]; *Может быть, полная идентичность?* ***Не думаю*** [Там же, с. 191]; *Возможно ли воспроизвести в алгоритмическом интеллекте предположенный для человеческого разума механизм творчества? Иначе говоря, возможно ли осуществить в подсознании часть работы по перебору вариантов?* ***Мне представляется,*** *что да, хотя и не в полной мере* [Там же, с. 164].

Данный тип вопросно-ответного комплекса способствует созданию доверительной коммуникативной ситуации: автор приоткрывает свой внутренний мир, выносит на суд адресата своё понимание рассматриваемых в тексте научных проблем, что создаётся с помощью средств эпистемической модальности, проецирующей оценки адресантом сообщаемого с точки зрения его достоверности, недостоверности, проблемности, среди которых модальные слова (*может быть, наверно, видимо* и др.), функционирующие как вводные элементы; модальные конструкции с безличными предикатами и формой 1-го лица ед.ч. со значениями знания, мнения, полагания (*Думаю; Мне кажется; Мне представляется; Можно предположить* и др.). Подобные вопросно-ответные конструкции не только характеризуют мыслительный процесс адресанта, на что указывалось выше, но и, как видим, содержат побуждение адресата к оценке достоверности сообщаемого, предполагающее учёт его собственных знаний в области рассматриваемых вопросов.

Вопросно-ответный комплекс второго типа включает предполагаемый автором ответ адресата на сформулированный им вопрос. При этом чаще всего адресантом акцентируется внимание на этапах выведения нового знания: ***Следует остановиться*** *на убеждениях, связанных со справедливостью, — они, пожалуй, самые важные. Что считать справедливым? Мы уже обсуждали этот вопрос и ввели понятие условия справедливости* [Там же, с. 186].

Вопросительные конструкции, встречающиеся в медицинских научных текстах, также можно разделить на два типа: а) вопросы, подсказывающие адресату ответ, в котором реализуется прагматическая установка автора на формирование или изменение его смысловой позиции, на убеждение в истинности полученного знания: *Может статься, что существует и потребность в доброте, потребность отдавать?* [Там же, с. 178]; *Не придумает ли он и новые убеждения? Можно ли найти ограничители, способные удержать его в положении специалиста-служаки, живущего одними только интересами дела?* [Там же, с. 207]; б) вопросы, служащие для привлечения внимания адресата к своему сообщению, своим мыслям: *Зададим сначала вопрос: в чем будет «смысл жизни» искусственных интеллектов? А в чем смысл жизни людей? Нет, я отнюдь не собираюсь философствовать* [Там же, с. 188]; *Чем же от них отличаются слова — набор последовательности звуков, обозначающих предмет?* [Там же, с. 124]; *Каким можно представить себе такой искусственный интеллект?* [Там же, с. 206]. Как видим, вопросительные конструкции выступают в медицинских научных текстах одним из средств воздействия на адресата, привлекают его к совместным размышлениям, активизируют внимание к значимым аспектам их содержания, облегчают понимание наиболее сложных моментов изложения, усиливают аргументированность восприятия.

Средством выражения внешней диалогичности является и *прямое указание автора на адресата-хирурга,* которому предназначена информация: ***Для опытного хирурга*** *нетрудно разобраться в этих аномалиях, но* ***начинающие*** *пересекают «сверхкомплектные» сосуды вместо соединительнотканных тяжей, в результате чего наблюдаются иногда смертельные кровотечения* [3, с. 158]; ***Начинающие торакальные хирурги*** *нередко принимают за отек легких задержку мокроты при затруднении откашливания ее в первые дни после операции* [Там же, с. 183]; ***Большинство хирургов*** *полагает, что свищи после лобэктомий хорошо закрываются самостоятельно. Наши наблюдения*

не подтверждают этого мнения [3 с. 198]; *Тактика* ***врача*** *при возникновении пищеводного свища должна быть максимально активной* [Там же, с. 202]; ***Многие хирурги*** *изменили различные детали операции. Например, Л.К. Богуш и И.С. Колесников не применяют резекции ребра, а ограничиваются пересечением V ребра у шейки* [Там же, с. 270].

Ретроспективная направленность изложения соотносится с отсылками адресата к предыдущему контексту и маркируется следующими типичными операторами: вводными конструкциями, глаголами и деепричастиями мысли, речи, восприятия в форме прошедшего и настоящего времени, безличными конструкциями: ***Подводя итоги, необходимо отметить,*** *что наиболее частой комбинацией (около 67,8%) является сочетание подклапанного и клапанного стеноза* [19, с. 271]; ***Из этого отчета видно,*** *что, несмотря на 20-летний опыт экспериментальных работ и ряд удачных операций у людей, хирурги попрежнему опасались производить операции на легких* [Там же, с. 7]; ***Просмотрев обширную литературу более позднего времени*** *(до 1947 г.), как советскую, так и зарубежную, мы также* ***не встретили*** *примеров такой перевязки как самостоятельной операции* [19, с. 24]; ***Помимо указанного,*** *большое внимание должно быть уделено сегментарной пневмоэктомии* [Там же, с. 25]; ***Касаясь различных разделов торакальной хирургии, нужно сказать,*** *что наибольшее развитие получила хирургия легких, так как …* [3, с. 13]; *Если* ***вспомнить,*** *что минутный объем сердца может при физической нагрузке увеличиваться в 7–10 раз и это увеличение компенсируется увеличением количества и просвета капилляров в легких, то компенсаторное расширение капилляров в здоровом легком …* [Там же, с. 16]; *В период развития хирургии после второй мировой войны* ***казалось,*** *что методы обезболивания уже установились и в этом отношении больших успехов не ожидалось* [Там же, с. 31]; ***Раньше считалось,*** *что удобство создается реберным углом, т.е. углом между реберными дугами. Мы установили, что* ***это не совсем так*** [Там же]; *Тем не менее за последнее время* ***появились исследования другого характера,*** *которые в результате работ, проведенных на трупах методом наливки, показали, что кровоснабжение сверху достаточное* [Там же, с. 658].

Как уже было отмечено выше, признак диалогичности предполагает и смену субъектов речи. По мнению М.М. Бахтина, речь пронизана «другими голосами», а сама мысль наша «рождается и формируется в процессе взаимодействия и борьбы с чужими мыслями» [5, с. 287]. Отсюда одним из средств выражения диалогичности выступает интертекстуальность, отражающая взаимодействие авторского слова с «чужим» словом в разных его проявлениях.

Рассматривая, к примеру, этапы развития грудной хирургии, Н.М. Амосов описывает вклад целой плеяды учёных в это направление исследования. Это учёные-экспериментаторы Глюк, Шмидт, Блок, доказавшие совместимость с жизнью операции по удалению части лёгкого, положившие «начало турникетного метода резекции легкого»; русские клиницисты И.И. Насилов и В.Д. Добромыслов, разработавшие основы оперативного доступа к пищеводу; Н.И. Напалков, занимавшийся изучением условий заживления ран сердца; Ф.Р. Киевский, которому «по праву принадлежит приоритет в разработке основных приемов современной легочной хирургии»; П.И. Дьяконов, удачно выполнивший «лобэктомию: иссечение участка легкого вместе с частью грудной клетки при легочном кровотечении»; французский хирург Тюффье, сделавший «операцию расширения клапана аорты путем инвагинации ее стенки»; Торек, осуществивший первую успешную операцию «экстирпации пищевода при раке»; американский хирург Рейнгоф, который первым «произвел операцию удаления легкого, применив раздельную обработку корня» и др. [3, с. 10]. Как видим, посредством интертекстуальности можно не только проследить диалог автора-учёного со своими предшественниками, но и организовать связь с адресатом, пополнив объём его знаний за счёт расширения информационного поля первичного текста.

Диалогичность проявляется в интертекстуальности и как смена и взаимодействие разных или аналогичных смысловых позиций: ***По П.А. Куприянову,*** *в момент вскрытия плевральной полости наблюдается ф а з а о с т р ы х р е ф л е к т о р н ы х р а с с т р о й с т в. Клинически это выражается частым, поверхностным, неправильным дыханием…* [Там же, с. 18]; *Хотя профессор* ***П.А. Куприянов*** *в своей книге пишет, что при операциях под местной анестезией даже с применением кислорода процент оксигемоглобина значительно падает –* ***мы не можем это подтвердить*** [Там же, с. 30]; *Местная анестезия, видимо, не подходит для сердечных операций, за исключением некоторых, таких как ушивание ран или частичные перикардэктомии. Прав-*

да, ***А.А. Вишневский и А.Н. Бакулев считают допустимым применение местной анестезии при митральных комиссуротомиях*** [3, с. 37]; *применение новых методов обезболивания в клинике начал В.Н. Шамов. Еще в 1953 году в его клинике* ***попробовали антиспазматические и антигистаминные вещества*** *в качестве дополнения к наркозу и убедились в возможности с их помощью уменьшить количество наркотических веществ* [Там же, с. 63]; ***в клинике П.А. Куприянова применяли значительное охлаждение в ванне до 30°,*** *а затем на операционном столе температура падала еще ниже – до 26–27°* … [Там же, с. 64]; ***В клинике проф. Ф.Г. Углова применяется смешанная методика охлаждения*** *с использованием ганглиоблокаторов, причем только для тяжелых больных он применял во время операции переливание крови и* ***не наблюдал тяжелых последствий, на которые указывает В.Н. Шамов*** [Там же, с. 66].

Таким образом, научный медицинский текст с точки зрения диалогичности представляет собой сложную, многослойную смысловую структуру, демонстрирующую динамику текстообразования, тем самым подтверждающую мысль об отнесении диалогичности к текстовым механизмам. Как один из механизмов создания научного медицинского текста, диалогичность позволяет проследить развёртывание научной идеи в целый текст, что достигается в процессе актуализации: а) замысла и этапов представления нового знания, направленного на адресата с учётом его пресуппозиций; б) взаимосвязи нового знания с предшествующим; в) совместности действий учёного со своими сегодняшними коллегами и предшественниками, единомышленниками и оппонентами.

Объективация этого, как видно из приведённых выше примеров, достигается использованием различных языковых, речевых и дискурсивных средств: вопросительных, вопросно-ответных, восклицательных, побудительных, парцеллированных, модальных конструкций, риторических вопросов; маркеров эпистемической модальности сообщаемого с точки зрения его достоверности, недостоверности, проблемности; местоимений и глагольных форм 1-го лица мн. ч.; различных единиц, вербализующих логическую связь, отношения обусловленности, ретроспективную направленность изложения, экспрессивность в сообщении информации, сигналы делимитации информации, смысловые опоры.

Список литературы

1. Амвросова С.В. «Диалогические» отношения в художественном тексте // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. Пермь, 1984.
2. Амосов Н.М. Алгоритмы разума. Киев: Наук. думка, 1979.
3. Амосов Н.М. Очерки торакальной хирургии. Киев: Гос. мед. изд-во УССР, 1958.
4. Баженова Е.А. Научный текст как система субтекстов: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2001.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
6. Бахтин М.М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
7. Варгина Е.И. Научный текст : функция воздействия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04. СПб., 2004.
8. Дускаева Л.Р. Диалогичность газетных текстов 1980–1990-х гг. : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Пермь, 1995.
9. Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986.
10. Кожина М.Н. Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста // Очерки научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. Категории научного текста : функционально-стилистический аспект. Пермь, 1998.
11. Красавцева Н.А. Выражение диалогичности в письменной научной речи (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1987.
12. Красильникова Л.В. Диалогическая структура научного дискурса в жанре научной рецензии : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1995.
13. Котюрова М.П. Смысловая структура русского научного текста и ее экстралингвистические основания (функционально-стилистический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Свердловск, 1989.
14. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М. : Диалог-МГУ, 1998.
15. Ракитина С.В. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2007.
16. Курбанова З.Ф. Диалогичность научной прозы в аспекте экспрессивности и прагматики: на материале специальной литературы по физике : автореф. дис. .... канд. филол. наук: 10.02.01. Махачкала, 2004.
17. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.

18. Прохватилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен звучащей речи. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999.

19. Углов Ф.Г. Резекция лёгких. М.: Медгиз, 1954.

20. Федотова В.Г. Коммуникация и диалог в науке и за ее пределами // Общественные науки и современность. 2004. № 5.

* * *

1. Amvrosova S.V. «Dialogicheskie» otnoshenija v hudozhestvennom tekste // Principy funkcionirovanija jazyka v ego rechevyh raznovidnostjah. Perm', 1984.

2. Amosov N.M. Algoritmy razuma. Kiev: Nauk. dumka, 1979.

3. Amosov N.M. Ocherki torakal'noj hirurgii. Kiev: Gos. med. izd-vo USSR, 1958.

4. Bazhenova E.A. Nauchnyj tekst kak sistema subtekstov: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Ekaterinburg, 2001.

5. Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979.

6. Bahtin M.M. Avtor i geroj: k filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk. SPb.: Azbuka, 2000.

7. Vargina E.I. Nauchnyj tekst : funkcija vozdejstvija: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.04. SPb., 2004.

8. Duskaeva L.R. Dialogichnost' gazetnyh tekstov 1980–1990-h gg. : avtoref. dis. … kand. filol. nauk: 10.02.01. Perm', 1995.

9. Kozhina M.N. O dialogichnosti pis'mennoj nauchnoj rechi. Perm', 1986.

10. Kozhina M.N. Dialogichnost' kak kategorial'nyj priznak pis'mennogo nauchnogo teksta // Ocherki nauchnogo stilja russkogo literaturnogo jazyka HVIII–HH vv. T. 2. Stilistika nauchnogo teksta (obshhie parametry). Ch. 2. Kategorii nauchnogo teksta : funkcional'no-stilisticheskij aspekt. Perm', 1998.

11. Krasavceva N.A. Vyrazhenie dialogichnosti v pis'mennoj nauchnoj rechi (na materiale anglijskogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk. Perm', 1987.

12. Krasil'nikova L.V. Dialogicheskaja struktura nauchnogo diskursa v zhanre nauchnoj recenzii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. M., 1995.

13. Kotjurova M.P. Smyslovaja struktura russkogo nauchnogo teksta i ee jekstralingvisticheskie osnovanija (funkcional'no-stilisticheskij aspekt) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Sverdlovsk, 1989.

14. Krasnyh V.V. Virtual'naja real'nost' ili real'naja virtual'nost'? (Chelovek. Soznanie. Kommunikacija). M. : Dialog-MGU, 1998.

15. Rakitina S.V. Kognitivno-diskursivnoe prostranstvo nauchnogo teksta: dis. … d-ra filol. nauk: 10.02.01. Volgograd, 2007.

16. Kurbanova Z.F. Dialogichnost' nauchnoj prozy v aspekte jekspressivnosti i pragmatiki: na materiale special'noj literatury po fizike : avtoref. dis. .... kand. filol. nauk: 10.02.01. Mahachkala, 2004.

17. Matveeva T.V. Funkcional'nye stili v aspekte tekstovyh kategorij. Sverdlovsk, 1990.

18. Prohvatilova O.A. Pravoslavnaja propoved' i molitva kak fenomen zvuchashhej rechi. Volgograd: Izd-vo VolGU, 1999.

19. Uglov F.G. Rezekcija ljogkih. M.: Medgiz, 1954.

20. Fedotova V.G. Kommunikacija i dialog v nauke i za ee predelami // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2004. № 5.

Dialogue as one of the mechanisms of text formation in the process of scientist's discursive work

Dialogical character is considered not only as a text category, style determining factor, but also as a text mechanism which in its orientation at an addressee, its presupposition, intuition, understanding allows tracing the process of actualization of the intention and the stages of representation of sender's new knowledge.

Key words: *dialogical character of a scientific text, mechanism of text formation, linguistic, verbal, discursive means of dialogical character expression.*

(Статья поступила в редакцию 22.12.2014)

И.Г. ЧЕБОТАРЕВ
(Волгоград)

КОНЦЕПТ «ЛЖЕЮРОДСТВО» В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассматривается и детализируется концепт «лжеюродство», выделяются конститутивные признаки его понятийной составляющей. При анализе текстового материала устанавливается взаимосвязь понятий «имидж», «роль», «образ» применимо к поведению лжеюродивого. Выявляются ценностные ориентиры лжеюродивых и их типичные коммуникативные стратегии формирования положительного имиджа и манипулирования окружающими.

Ключевые слова: *концепт, лжеюродство, ценности, имидж, роль, образ.*

«Лжеюродство» представляет собой антиномию культурного концепта «юродство». Цель данной статьи – проанализировать содер-

© Чеботарев И.Г., 2015